

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ ЭСТЕТИКИ.

Проф. А. И. Смирнова.

(Окончаніе).

3. Идеальные и эмоциональные элементы эстетических впечатлѣній.

Вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ законовъ симметріи и пропорціи мы закончили отдѣлъ эстетики о чувственныхъ элементахъ зрительной красоты. Предметъ, признаваемый красивымъ, мы разсматривали, какъ онъ открывается чувству зрѣнія и старались опредѣлить при какихъ условіяхъ, въ силу какихъ обстоятельствъ его оптическія и геометрическія свойства, его цвѣтъ и форма становятся красивыми и вызываютъ въ насъ эстетическое чувство. Но наша задача далеко еще не кончена.

Предметъ признается нами красивымъ не въ силу одной лишь его внѣшности, не тѣми только его свойствами, которыя непосредственно воспринимаются зрѣніемъ. Напримѣръ

человѣческое лицо, кромѣ внѣшняго изящества, —положимъ, пріятнаго цвѣта, правильности, —поражаетъ иногда еще своимъ внутреннимъ содержаніемъ, выраженіемъ нѣкоторой мысли, чувства и характера. Эта внутренняя красота облагораживаетъ красоту внѣшнюю, придаетъ ей высшее достоинство и значеніе. Если бы красота исключительно заключалась въ пріятныхъ для зрѣнія цвѣтахъ, въ симметріи и пропорціо-
нальности линій, то картина великаго художника, напр. Ма-
донна Рафаэля, не признавалась бы нами прекрасной, стояла бы въ художественномъ отношеніи ниже какого-нибудь вышиванія или изящнаго ковра, отличающагося искуснымъ подборомъ цвѣтовъ и изяществомъ узора. Не подлежитъ сомнѣнію, что красивые предметы, или объекты красоты говорятъ не однимъ только внѣшнимъ чувствамъ, а затрогиваютъ и другія высшія стороны нашей духовной жизни, возбуждаютъ въ насъ тѣ или другія идеи и волненія, которыя становятся важнымъ факторомъ въ эстетическомъ впечатлѣніи.

Чувственные качества красоты, —изящество красокъ, колоритъ, симметрія и граціозность формы, —преимущественно составляютъ принадлежность тѣхъ красивыхъ предметовъ, которые производятся самой природой. Таковы, наприм., красивые растенія и цвѣты, изящныя раковины, окраска нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и птицъ, изящная форма нѣкоторыхъ животныхъ; таковы всѣ красивые явленія природы: восходъ и закатъ солнца, радуга, голубое небо и т. п. Но и здѣсь, въ этой области полного, повидимому, господства красокъ и формъ, едва ли изящество исчерпывается этой внѣшней стороной. Слѣдуетъ твердо помнить, что красота предмета не есть нѣчто объективное, присущее ему самому, красота вещи — это есть наше чувство красоты, вызываемое нѣкоторыми особенностями внѣшнихъ свойствъ предмета, въ данномъ случаѣ —цвѣтами и линіями и ихъ сочетаніями. Но весьма возможно, что кромѣ этихъ пріятныхъ впечатлѣній цвѣта и формы предметы и явленія природы вызываютъ въ насъ еще другія чувства или волненія, которыя входятъ въ общій

составъ эстетическаго впечатлѣнія и составляютъ далеко не безразличный его элементъ. Такъ когда мы любимъ закатомъ солнца или какимъ-нибудь видомъ, то кромѣ непосредственныхъ зрительныхъ впечатлѣній мы испытываемъ нѣчто большее, переживаемъ еще другія волненія, которыя возбуждаются въ насъ этой картиной природы, но не могутъ быть объяснены исключительно ея физическими свойствами. Съ другой стороны существуютъ въ природѣ такія вещи, которыя не отличаются изящными чувственными качествами, но все-таки не лишены нѣкотораго эстетическаго значенія, производятъ впечатлѣніе по характеру своему близкое къ эстетическому. Намъ нравятся не одни только предметы красивые по колориту и формѣ, насъ поражаютъ не одни только красивые мѣстности и грандіозные виды; намъ часто нравится довольно бѣдный ландшафтъ, какая-нибудь развалина, или бѣдная убогая постройка,—хижина покрытая снѣгомъ, полуразрушенная мельница, сломанное бурей дерево и т. п. Что можетъ быть пріятнаго въ карканьи воронъ, въ крикахъ грачей, или кваканьи лягушекъ? но при нѣкоторыхъ условіяхъ намъ нравятся и эти негармоничные звуки природы, конечно, не въ силу ихъ собственнаго музыкальнаго значенія, а по тѣмъ представленіямъ, мыслямъ и чувствамъ, которыя возбуждаются, вызываются этими фактами внѣшней природы. Ясно, что эстетическое чувство далеко еще не составляетъ пріятнымъ возбужденіемъ органовъ чувствъ, а включаетъ въ себѣ другіе высшіе факты и процессы психической жизни и дѣятельности. Красота и изящество, такимъ образомъ, не ограничиваются чувственными свойствами вещей, не исчерпываются одной чувственностью, а вѣрнѣе сказать, сопредѣльны со всей широкой областью психической жизни и дѣятельности. Правда, строго говоря, чувственный элементъ составляетъ существенную сторону эстетическихъ впечатлѣній; внѣшняя красота, красота формы является необходимымъ условіемъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы преимущественно заинтересованы внутреннимъ содержаніемъ того или другаго

красиваго объекта, или изящнаго произведенія искусства. Но нерѣдко это внѣшнее изящество отступает на задній планъ, оно далеко не поглощаетъ нашего интереса, а является лишь въ значеніи сопровождающаго, дополнительнаго элемента къ другому болѣе глубокому содержанію. Говоря иначе, въ однихъ изящныхъ предметахъ являются преобладающими чувственные элементы красоты, въ другихъ получаетъ господствующее значеніе отношеніе предмета къ другимъ высшимъ сторонамъ душевной жизни, ихъ эмоціональное и идеальное значеніе, т. е. выражаемыя ими идеи, или возбуждаемыя чувства и волненія. Большею частію эстетики обращали исключительное или, по крайней мѣрѣ, одностороннее вниманіе на тотъ или другой факторъ эстетической жизни и сообразно съ тѣмъ, которому изъ нихъ они приписывали исключительное или опредѣляющее значеніе, полагали самую сущность красоты или во внѣшней формѣ или во внутреннемъ содержаніи и значеніи изящныхъ объектовъ.

Строго научная теорія красоты должна обнять всѣ ея элементы, опредѣлить относительное значеніе каждаго изъ нихъ и указать то взаимное отношеніе, въ которомъ они находятся, или должны находиться—какъ въ тѣхъ фактахъ изящества, которые представляетъ природа и жизнь, такъ и въ разныхъ отдѣлахъ художественной производительности, или изящныхъ искусствахъ. Односторонность не только прежнихъ, но и сейчасъ существующихъ теорій эстетики обуславливается преимущественно стремленіемъ подчинить всѣ разнообразныя явленія красоты одной какой-нибудь общей точкѣ зрѣнія, вывести всѣ частные законы изящества изъ одного принципа. Слѣдуетъ допустить нѣкоторую долю законности въ подобныхъ стремленіяхъ къ объединенію разнообразныхъ фактовъ и явленій, составляющихъ широкую область красоты, единствомъ нѣкотораго однообразія или общаго закона. Но достоинство всякихъ теорій опредѣляется не притязаніями, а исполненіемъ этихъ притязаній, т. е. достоинствомъ и научной правильностью и строгостью въ установленіи общихъ законовъ

тѣхъ или другихъ явленій, и приложеніемъ этихъ законовъ къ объясненію разныхъ фактовъ, по возможности всѣхъ фактовъ, составляющихъ извѣстную научную область. Но эта высокая цѣль всякой науки долгое время не только не достигалась въ эстетикѣ, равно какъ и въ другихъ наукахъ о человѣческой жизни и дѣятельности, но была даже и недостижима по самому положенію этихъ наукъ.

Эстетика зависитъ отъ другихъ болѣе основныхъ наукъ о человѣкѣ, особенно отъ физиологіи и психологіи. Наша эстетическая жизнь, будучи лишь однимъ изъ проявленій физиологической и психической жизни, тѣсно сливается со всѣми другими сторонами нашей сложной природы, и можетъ быть выяснена только изъ общихъ законовъ тѣлесной и душевной дѣятельности. При изложеніи чисто чувственныхъ элементовъ красоты мы имѣли уже случай неоднократно убѣдиться въ томъ, какую помощь оказываетъ эстетикѣ физиологія, мы видѣли, что законы красоты звуковъ и цвѣтовъ, линий и формъ суть, строго говоря, физиологическіе законы нервной системы и органовъ чувствъ. Не обращаясь къ помощи физиологіи, мы не могли бы объяснить, почему извѣстные звуки, нѣкоторые цвѣта и сочетанія цвѣтовъ и звуковъ, а также различныя особенности формъ намъ нравятся болѣе другихъ и составляютъ поэтому элементы эстетическихъ впечатлѣній и матеріалъ художественнаго творчества.

Относительно другого фактора эстетической жизни, именно эмоціональнаго и умственнаго, эстетика находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ психологіи, отъ тѣхъ ея отдѣловъ, которые посвящаются изслѣдованію законовъ ума и духовныхъ волненій, или умственной и эмоціональной жизни. Но эта часть психологіи поставлена не такъ твердо, какъ физиологія внѣшнихъ чувствъ, такъ какъ физиологическіе законы высшихъ нервныхъ центровъ, составляющихъ органъ высшей психической жизни далеко еще не изслѣдованы строго-научнымъ образомъ. Понятно, что здѣсь, въ этой области мы должны обходиться нерѣдко безъ помощи физиологіи, доволь-

ствуясь тѣми психологическими выводами и объясненіями, которые отличаются наибольшей точностью.

Эстетическая жизнь находится въ ближайшемъ отноше-
ніи къ умственной и эмоциональной, или сердечной жизни. Впечатлѣніе, производимое на насъ красивымъ предметомъ, подчиняется общимъ законамъ всякихъ впечатлѣній и не только какъ возбужденіе энергіи периферическихъ, т. е. внѣшнихъ органовъ чувствъ, но и во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ и осложненіяхъ. Оно сохраняется въ памяти, способно возникать вновь въ формѣ вторичной, въ качествѣ воспроизведенія, или идеи, вступаетъ въ связь съ другими впечатлѣніями, представленіями и чувствами, можетъ возникать вмѣстѣ съ ними и само можетъ становиться центромъ, какъ бы внутреннимъ ядромъ такихъ ассоціацій и вызывать ихъ въ нашей памяти. Чувственная, матеріальная сторона изящнаго объекта, такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ служитъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ психическихъ процессовъ, открываетъ собой цѣлый рядъ духовныхъ явленій болѣе сложнаго порядка. Нерѣдко эти дальнѣйшія послѣдствія внѣшняго дѣйствія предмета такъ тѣсно сливаются съ этимъ дѣйствіемъ, такъ быстро, такъ непосредственно слѣдуютъ за нимъ, что намъ кажется, какъ будто бы составляютъ часть самаго внѣшняго впечатлѣнія наравнѣ съ объективными свойствами и качествами предмета. Примѣры такихъ тѣсныхъ ассоціацій извѣстны каждому, они господствуютъ въ области внѣшнихъ воспріятій. Такъ намъ кажется, что сладкій вкусъ присущъ самому сладкому предмету, что звукъ издается самимъ звучащимъ тѣломъ. Вообще мы видимъ лишь незначительную часть того, что мы думаемъ, что видимъ: остальное присоединяется къ непосредственному впечатлѣнію и такъ тѣсно, такъ нераздѣльно сливается съ нимъ, что, повидимому составляетъ часть цѣлаго впечатлѣнія.

Такая тѣсная связь между непосредственнымъ впечатлѣніемъ и тѣми психическими состояніями и процессами, которые только возбуждаются этимъ впечатлѣніемъ существуетъ

и въ эстетической жизни, въ области изящныхъ объектовъ и производимыхъ ими впечатлѣній. Напримѣръ непосредственное впечатлѣніе картины на глазъ есть не болѣе какъ впечатлѣніе поверхности, окрашенной въ разныхъ своихъ частяхъ въ разные цвѣта. Но эти цвѣтныя пятна разныхъ формъ мы истолковываемъ какъ извѣстные намъ изъ опыта предметы, какъ море, небо, деревья, дома, животныя, человѣческія фигуры и т. п. Это совершается въ силу сходства зрительныхъ впечатлѣній картины съ тѣми впечатлѣніями на органъ зрѣнія, которыя мы испытываемъ отъ дѣйствительныхъ вещей, такъ что при совершенствѣ художественнаго воспроизведенія въ насъ возникаетъ иллюзія, что мы видимъ предъ собой саму дѣйствительность. Какимъ образомъ достигается эта иллюзія, отчасти было уже указано, когда намъ пришлось говорить о зрительныхъ воспріятіяхъ формы, рельефа и перспективы. Послѣ, когда мы будемъ говорить о подражательныхъ искусствахъ, мы подробнѣе познакомимся съ тѣми средствами и приѣмами, какими располагаетъ художникъ, чтобы вызывать подобныя иллюзіи. Для насъ теперь важно лишь обратить вниманіе, какую незначительную часть занимаетъ въ общемъ эстетическомъ впечатлѣніи, производимомъ на насъ картиной, ея непосредственное дѣйствіе на органъ зрѣнія. Для того, чтобы въ насъ возникло представленіе даже чисто-физической стороны того, что хотѣлъ изобразить художникъ, уже требуется цѣлая масса воспроизведеній по законамъ ассоціаціи идей. Но художникъ обыкновенно желаетъ передать нѣчто больше, чѣмъ простыя копіи чувственныхъ предметовъ. Эти вещи и сами по себѣ и своими взаимными отношеніями, своимъ распредѣленіемъ, своей группировкой, должны выражать тѣ или другія мысли и чувства; если мы видимъ мать, кормящую грудью своею ребенка, мы читаемъ въ ея позѣ, въ ея лицѣ выраженіе материнскихъ чувствъ. Если мы видимъ колѣнопреклоненнаго предъ распятіемъ пустынника, или старца, углубленнаго въ книгу, то видимъ не только ихъ фигуры, черты лица, позы, но и понимаемъ то

душевное состояніе, въ которомъ они находятся. Эти идеи и чувства, это внутреннее значеніе изображаемыхъ предметовъ вызывается въ насъ по ассоціаціи, совершенно также какъ тѣ или другія положенія, позы, внѣшнія черты лица и т. п. въ самой дѣйствительности разсматриваются нами, какъ выраженіе тѣхъ или другихъ внутреннихъ состояній, мыслей, чувствъ и душевныхъ настроеній. Такъ называемая изящная литература представляетъ наименьшую долю чувственного элемента; словесный матеріаль, которымъ она оперируетъ, имѣеть въ ней значеніе лишь насколько онъ служитъ для выраженія разнаго рода представленій, мыслей и чувствъ. Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы понять, какое важное значеніе въ эстетическихъ впечатлѣніяхъ принадлежитъ ассоціаціи идей. Оно такъ ясно, такъ очевидно, что для открытія его требуется лишь небольшая доля вниманія къ предметамъ изящныхъ искусствъ, такъ что слѣдуетъ удивляться, какимъ образомъ оно опускалось изъ вида многими эстетиками, или по крайней мѣрѣ не было понятно во всей своей важности.

Едва ли кто станетъ отвергать, или даже умалять значеніе въ эстетическихъ эффектахъ идеальнаго и эмоціональнаго элемента, который въ большинствѣ случаевъ составляетъ главное содержаніе и цѣль художественнаго произведенія. Напротивъ, скорѣе слѣдуетъ опасаться другой крайности, именно—исключительнаго предпочтенія внутренняго смысла предметовъ искусства предъ ихъ внѣшной формой, которой они обращены къ внѣшнимъ чувствамъ. Исключительное занятіе высшими художественными произведеніями, въ которыхъ чувственный матеріаль дѣйствительно лишь является носителемъ высшей идеи, гдѣ онъ не останавливается на себѣ вниманія и моментально забывается и отбрасывается, какъ только сослужилъ свою роль проводника идей или чувствъ, ведетъ къ этой крайности. Но мы повторяемъ, научная эстетика должна обнимать всѣ виды красоты: она должна анализировать самыя простѣйшія эстетическія чувства, въ родѣ напр.

тѣхъ, которыя вызываетъ въ насъ колоритъ цвѣтка, изящный узоръ кружева, или блескъ гладко полированного дерева, и оканчивая самыми высшими, самыми совершенными произведениями поэзіи, живописи, пластики и архитектуры.

Роль ассоціаціи идей относительно впечатлѣній красоты была подмѣчена и лучше всего изображена въ англійской психологической литературѣ. Англійскіе психологи весьма широко, иногда и съ замѣчательнымъ искусствомъ, пользовались законами ассоціаціи идей при разложеніи сложныхъ фактовъ психической жизни на ихъ простѣйшіе составные элементы. Понятно, что они весьма скоро обратились къ изслѣдованію этими же приѣмами и сложныхъ впечатлѣній красоты. Результаты изслѣдованія Бёрке, Элисона и нѣкоторыхъ психологовъ шотландской школы болѣе новаго времени, особенно Бэна, весьма цѣнны. Но во всякомъ случаѣ психологическая эстетика англійской *ассоціонной*, или *эмпирической* школы страдаетъ слѣдующими двумя капитальными недостатками. Первый изъ нихъ—это уже слишкомъ одностороннее, слишкомъ крайнее, а нерѣдко и произвольное приложеніе принципа ассоціаціи идей въ области эстетики. Эти изслѣдователи не обращали вниманія, или обращали его мало на прямые непосредственные элементы и условія красоты, заключающіеся въ особомъ характерѣ чувственныхъ впечатлѣній, производимыхъ красивыми объектами. Такіе напримѣръ факторы, какъ цвѣта, звуки, сочетанія цвѣтовъ и звуковъ, симметрія формъ, не были оцѣнены по достоинству; ихъ эстетическое значеніе объяснялось не изъ нихъ самихъ, не прямымъ ихъ дѣйствіемъ на органы чувства, а по ассоціаціи съ разными идеями и духовными волненіями, которыя они будто бы внушаютъ. Такъ напримѣръ, по ученію этой школы, выходило, что тотъ или другой цвѣтъ намъ нравится въ силу ассоціаціи съ нашими чувствами и волненіями, положимъ, радости, надежды и т. п., т. е. не своими физиологическими свойствами и дѣйствіемъ на ретину, а тѣмъ, что эти цвѣта напоминаютъ. Это *символическое* толкованіе, открывало широкія двери произволу и могло

представляться естественнымъ лишь при отсутствіи другихъ объясненій чисто фізіологическаго характера, что весьма понятно при слабомъ состояніи фізіологіи органовъ чувствъ и нервной системы въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго. Другой недостатокъ психологическаго метода на началахъ ассоціаціи въ области эстетики, вытекавшій изъ того же источника, состоялъ въ преобладаніи описательныхъ приѣмовъ предъ научными объясненіями. Дѣло въ томъ, что недостаточно указать въ общихъ чертахъ, или даже подробно описать тѣ или другія психическіе факты, мысли, чувства, волненія и т. п., которые составляютъ одно сложное цѣлое, которые входятъ какъ элементы въ цѣльный эстетическій эффектъ. Требуется еще открыть причины, почему именно тѣ а не другіе факты психической жизни годятся для такого эффекта; говоря другими словами, требуется указать общія условія, въ силу которыхъ то или другое психическое состояніе становится элементомъ эстетическихъ впечатлѣній и художественнаго творчества. Въ противномъ случаѣ, т. е. ограничиваясь простымъ констатированіемъ того, что завито въ общемъ впечатлѣніи, которое производитъ на насъ, положимъ, картина природы, мы не пойдемъ дальше простой эмпириі и ни на волосъ не подвинемся въ пониманіи законовъ эстетической жизни и эстетическихъ эффектовъ.

Если мы посмотримъ теперь, какого рода психическіе факты ассоціируются съ объектами красоты и внушаются ими, то мы прежде всего поражаемся ихъ громаднымъ разнообразіемъ. Кто можетъ перечестъ, напримѣръ, всѣ возможные мысли и чувства, возбуждаемыя въ насъ какой-нибудь картиной природы, кто можетъ указать всевозможныя сюжеты картинъ, или всѣ темы поэтическихъ произведеній и т. п.? Особенно богатый неисчерпаемый источникъ художественнаго творчества представляетъ сама человѣческая жизнь, сложная сѣть событій съ ихъ причинами и послѣдствіями, изъ которыхъ она слагается,—разновидности натуръ и характеровъ, тайны человѣческаго сердца и т. д. Наша задача, собственно,

должна бы состоять въ томъ, чтобы найти тѣ общія черты, которыя одинаково принадлежатъ всѣмъ этимъ фактамъ, даютъ имъ отпечатокъ изящества и красоты, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ ихъ подходящимъ элементомъ эстетическихъ эффектовъ и художественнаго творчества. Но эта цѣль едва-ли можетъ быть достигнута простымъ сравненіемъ всѣхъ этихъ фактовъ по индуктивному методу, т. е. такимъ образомъ, чтобы при этомъ были исключены все частныя отличія, а удержаны лишь тѣ общія черты, которыя ихъ дѣлаютъ явленіями эстетическими, или въ силу которыхъ они вступаютъ въ связь, ассоціируются съ предметами красивыми по своимъ внѣшнимъ чувственнымъ чертамъ. Причина неприменимости въ данномъ случаѣ индуктивнаго метода заключается въ томъ, что мы не знаемъ даже, гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ намъ искать точекъ сравненія всего громаднаго матеріала, который можетъ быть причиной эстетическихъ волненій и предметомъ художественнаго творчества. Если мы будемъ сравнивать, положимъ, содержаніе, или такъ называемые сюжеты разныхъ изящныхъ искусствъ, то прежде всего встрѣтимся съ тѣмъ затрудненіемъ, что такіе сюжеты не составляютъ необходимой принадлежности всѣхъ искусствъ. Мы встрѣчаемся съ такими на примѣръ фактами, что музыка и архитектура нравятся, волнуютъ насъ эстетически безъ всякихъ сюжетовъ, единственно художественнымъ сочетаніемъ извѣстныхъ чувственныхъ элементовъ. Но если бы мы ограничились только тѣми искусствами, произведенія которыхъ воспроизводятъ для насъ предметы природы и факты человеческой жизни, т. е. живописью, пластикой и поэзіей, то здѣсь такъ велико разнообразіе возможныхъ сюжетовъ и притомъ эти сюжеты такъ далеко уклоняются одинъ отъ другого, что мы не въ состояніи уловить въ нихъ общія черты, которыя бы связывали ихъ въ одну общую группу изящныхъ и художественныхъ объектовъ. На примѣръ, ограничиваясь даже самыми общими точками зрѣнія, мы не можемъ сказать, чтобы такой общей чертой служилъ пріятный характеръ изображаемыхъ пред-

метовъ или фактовъ, т. е. что всѣ сюжеты искусства должны возбуждать въ насъ чувство удовольствія. Напротивъ, и живопись, и скульптура, и поэзія, и изящная литература изображаютъ иногда вещи ужасныя, положенія мучительныя, сцены потрясающаго горя и бѣдствій, и все-таки, при извѣстныхъ условіяхъ, мы не можемъ отказать этимъ произведеніямъ въ художественномъ характерѣ и значеніи. Достаточно вспомнить статую „Лаокоонъ,“ картину „Свѣточи Христова“ или романъ Гверацци „Беатриче Ченчіа“.

Мы не можемъ также сказать, что предметы искусства должны отличаться нѣкоторымъ достоинствомъ, нѣкоторыми преимуществами физическими или моральными сравнительно съ другими объектами того же рода. Правда, подъ это опредѣленіе подойдутъ нѣкоторые художественные сюжеты историческіе и религіозные. Но за то изображенія всей мелочности и пустыхъ обычныхъ стремленій и дѣйствій человѣка, всего, что человѣческая жизнь представляетъ мизернаго и смѣшнаго, тѣмъ болѣе картины человѣческихъ пороковъ не подойдутъ подъ это опредѣленіе. Оно исключаетъ всю широкую область комедіи и сатиры, которыя занимаютъ почетное мѣсто въ ряду разныхъ отдѣловъ художественнаго творчества. Такимъ образомъ слѣдуетъ избрать другой путь къ рѣшенію поставленнаго вопроса, т. е. къ открытію изясненію тѣхъ особенностей, которыми отличаются высшіе не чувственные элементы красоты.

Исходнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ для насъ должно служить то безспорное обстоятельство, что всѣ факты, которые входятъ въ составъ изящныхъ и художественныхъ произведеній, всѣ идеи, представленія, чувствованія и т. д., которыя сопровождаютъ собой чувственные элементы изящныхъ объектовъ и вызываются, внушаются ими, — относятся къ высшей психической жизни, умственной и эмоціональной. Животныя, даже люди стоящіе на низкой ступени развитія не въ состояніи испытывать подобныхъ состояній; имъ ничего не говоритъ какая-нибудь картина при-

роды, или какое-нибудь интересное произведение искусства. Причина заключается въ томъ, что люди, стоящіе на низкой ступени развитія, поглощены матеріальными нуждами своего существованія; предметы дѣйствуютъ на нихъ той лишь стороной, которая отвѣчаетъ ихъ низменнымъ стремленіямъ и интересамъ. Они не лишены ума, но умъ ихъ совершенно связанъ чувственной матеріальной стороной предметовъ и находится въ служебномъ отношеніи къ потребностямъ простаго самосохраненія. Ближайшая непосредственная задача ума или разсудка состоитъ въ томъ, чтобы комбинировать внѣшнія впечатлѣнія и ощущенія, установить между ними связь и, соотвѣтственно этимъ сложнымъ группамъ чувственныхъ данныхъ, координировать энергію мышцъ и, такимъ образомъ, реагировать на внѣшній міръ сообразно съ обстоятельствами даннаго случая. Какъ скоро животное получаетъ извнѣ не одно, а нѣсколько впечатлѣній и какъ скоро между ними устанавливается такая связь, что одно изъ нихъ, т. е. изъ этихъ впечатлѣній, будучи испытываемо непосредственно, напоминаетъ другое, которое испытывалось съ нимъ прежде, то это животное обладаетъ уже первыми зародышами ума. Какой-нибудь одинъ изъ низшихъ простѣйшихъ животныхъ организмовъ по нѣкоторымъ впечатлѣніямъ открывающей близость пищи, или врага и направляющей свои движенія сообразно съ этими указаніями,—имѣетъ нѣкоторую долю ума нужную для него въ интересахъ самосохраненія. Самое существенное условіе въ этомъ случаѣ есть способность органической ткани удерживать впечатлѣнія и связывать ихъ между собой. Обладаніе такой способностью координаціи и воспроизведенія впечатлѣній въ высшей степени было полезно для организмовъ въ борьбѣ за существованіе, а потому она должна была упрочиться въ животномъ мірѣ, развиваясь далѣе и далѣе. Это развитіе предполагаетъ возникновеніе и развитіе нервныхъ узловъ и сочстаній ихъ, которое на значительной ступени является въ видѣ удивительно сложнаго нервнаго аппарата, называемаго мозгомъ.

Прослѣдить всѣ отдѣльные моменты, всѣ стадіи этого развитія мы не имѣемъ ни времени, ни особой надобности. Это—дѣло сравнительной психологіи, науки еще недавно зародившейся, пока еще не вполне сложившейся. Но нѣкоторые результаты этой научной психологіи могутъ быть приложены и къ научной эстетикѣ. Теперь уже сдѣлалось очевиднымъ, что различіе между высшей и низшей организаціей со стороны мозговой дѣятельности состоитъ въ большемъ и большемъ накопленіи переработанныхъ впечатлѣній, въ образованіи такихъ продуктовоу умственной энергіи, которые не тратятся сейчасъ-же, а составляютъ запасъ для разнаго рода затратъ въ будущемъ. Кромѣ того болѣе богато развитая организація проявляетъ такой избытокъ энергіи, который обнаруживается цѣлымъ рядомъ благопріятныхъ для нея состояній, помимо какихъ-нибудь внѣшнихъ исключительно утилитарныхъ цѣлей, т. е. прямого удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ и потребностей жизни. Здѣсь, въ этой области накопленія психическаго богатства происходитъ тоже, что мы видимъ въ экономической сферѣ при накопленіи матеріальныхъ и денежныхъ средствъ. Организмъ слабо развитый—это все равно, что бѣднякъ, который тратитъ все, что приобрѣтаетъ и дѣятельность котораго вся поглощается на приобрѣтеніе средствъ къ удовлетворенію насущныхъ нуждъ и потребностей. Но организмъ высоко развитый, какъ богатый человѣкъ, дѣлаетъ сбереженія, составляетъ капиталъ, которымъ онъ можетъ распорядиться въ случаѣ какого-нибудь особаго экстреннаго запроса на его средства. Кромѣ удовлетворенія своихъ прямыхъ насущныхъ нуждъ онъ многое уже тратитъ просто лишь на удовольствія, онъ создаетъ даже особыя нужды и потребности, которыхъ совсѣмъ не знаетъ бѣднякъ. Эстетическія удовольствія и наслажденія именно и представляютъ одно изъ проявленій этого богатства энергіи, этого избытка нервно-мозговой силы, которая есть приобрѣтеніе высоко развитой организація.

При разсмотрѣніи чувственныхъ элементовъ красоты мы видѣли, что удовольствія, доставляемыя намъ пріятными звуками, цвѣтами, линіями и сочетаніями этихъ элементовъ, отличаются отъ всѣхъ другихъ удовольствій именно тѣмъ, что они не находятся въ прямомъ служебномъ отношеніи къ функціямъ чисто органическимъ. Эстетическія удовольствія, доставляемыя музыкальными звуками, красивыми цвѣтами и формами, отличаются утонченностью, удаленностью отъ грубыхъ, матеріальныхъ потребностей и функцій тѣла. Они ищутся не въ видахъ ихъ прямой пользы, а ради удовлетворенія избытка накопившейся нервной энергіи въ периферическихъ органахъ чувствъ и нервныхъ центрахъ. Всѣ они предполагаютъ здоровое состояніе этихъ органовъ, хорошее ихъ питаніе и полное возстановленіе силы, благодаря питанію и отдыху. Въ области мышечныхъ упражненій такой нервной дѣятельности соотвѣтствуетъ игра, т. е. рядъ дѣйствій и движеній, которыя пріятны сами по себѣ помимо достигаемыхъ ими полезныхъ цѣлей. Какъ скоро нами получается цѣлая группа эстетическихъ впечатлѣній, то при этомъ пріобрѣтаетъ значеніе самый способъ ихъ сочетанія, который слѣдуетъ особымъ законамъ. Таковы законы ритма, мелодіи и гармоніи въ звуковыхъ впечатлѣніяхъ, гармоніи и дисгармоніи цвѣтовъ, симметріи и пропорціональности линій въ впечатлѣніяхъ зрительныхъ. Здѣсь, кромѣ функціи внѣшнихъ чувствъ, сказывается участіе мозговой и умственной дѣятельности, такъ какъ ясное или темное сознаніе порядка многихъ чувственныхъ элементовъ предполагаетъ функцію мозга какъ высшаго координирующаго нервнаго центра. Но и здѣсь относительно этихъ уже болѣе сложныхъ эстетическихъ впечатлѣній справедливъ тотъ же физиологическій законъ удаленности отъ чисто органическихъ цѣлей. Онъ получаетъ лишь только болѣе сложное выраженіе. Именно, всякая эстетическая комбинація слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній включаетъ въ себѣ наибольшую сумму пріятныхъ возбужденій нервной системы, т. е. внѣшнихъ

чувствъ и мозга, при наименьшемъ количествѣ возбужденій непріятныхъ, какъ напримѣръ утомленія, истощенія отъ излишней дѣятельности, или впечатлѣній несоотвѣтствія, дисгармоніи, диссонанса, которыя въ концѣ концовъ сводятся именно къ утомленію и истощенію нервной энергіи.

Теперь мы въ правѣ ожидать, что тотъ же законъ имѣетъ значеніе и силу также относительно и всѣхъ тѣхъ ассоціацій, высшихъ психическихъ фактовъ, которые сливаются съ чувственными элементами красоты и вызываются въ насъ вмѣстѣ съ ними, или по поводу ихъ. Дѣло въ томъ, какія бы представленія, мысли, чувствованія или волненія ни вызывали въ насъ изящные объекты, естественные или искусственные, всѣ они суть функціи мозга, предполагаютъ возбужденіе нервныхъ центровъ, а слѣдовательно и должны подчиняться общимъ законамъ фізіологической жизни. Чтобы сдѣлаться элементомъ эстетики и искусства, они должны быть отодвинуты отъ чисто практическихъ интересовъ жизни, должны сдѣлаться свободными отъ многихъ сопровождаемыхъ ихъ отношеніемъ къ нашимъ нуждамъ и заботамъ,—пріобрѣсти безкорыстный характеръ, чтобы сдѣлаться предметомъ наслажденія безкорыстнаго и, такимъ образомъ, получить эстетическое значеніе. Если эти психическіе факты и процессы отличаются сложнымъ характеромъ (а они всегда почти дѣйствительно весьма сложны), то ихъ составные элементы и самое сочетаніе этихъ элементовъ должны удовлетворять тѣмъ же условіямъ эстетической группировки, какъ и впечатлѣнія слуховыя и зрительныя, т. е. эти сложные высшія психическія образованія должны доставлять наибольшую сумму пріятныхъ при наименьшей суммѣ непріятныхъ возбужденій. Таковъ общій законъ эстетики, который одинаково имѣетъ силу какъ относительно простѣйшихъ, такъ и самыхъ сложныхъ, и высшихъ обнаруженій эстетической жизни. Чтобы доказать справедливость этого обобщенія и указать самые способы осуществленія этого основного принципа въ области высшей эстетической произ-

водительности, мы должны ближе познакомиться съ самымъ механизмомъ умственной и эмоціональной жизни, рассмотретьъ нѣкоторыя условія и законы воспроизведенія и ассоціаціи идей и волненій съ указанной точки зрѣнія. Такимъ образомъ мы надѣемся найти руководительную нить среди этого лабиринта сложныхъ и дѣйствительно запутанныхъ процессовъ и въ тоже время объяснить всѣ кажущіяся исключенія изъ этого общаго фізіологическаго закона изящества.

Кромѣ удовольствій и страданій чисто-матеріальныхъ, т. е. непосредственно слѣдующихъ за тѣми или другими переменными въ состояніи организма, существуетъ еще обширный классъ такихъ же, или однородныхъ чувствъ, т. е. *удовольствій и неудовольствій, или страданій психическихъ, или идеальныхъ*. Правда, съ фізіологической стороны и эти психическія состоянія суть функціи нервной системы; они также предполагаютъ нѣкоторые матеріальные факты, событія или переменны въ нервахъ и въ мозгѣ, какъ и удовольствія доставляемыя намъ пищей, или боль, вызываемая уколомъ булавки. Но связь удовольствія, напримѣръ удовлетвореннаго самолюбія, или страданія при мысли о предстоящей бѣдѣ, съ нервной организаціей не такъ очевидна. Эти и подобныя чувства кромѣ того имѣютъ иное происхожденіе, такъ какъ они возникаютъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ представленій, мыслей или идей, а не по поводу тѣлесныхъ состояній и переменъ.

Психическія удовольствія и страданія выражаютъ для нашего сознанія характеръ высшей психической дѣятельности, которая предполагаетъ функціи высшихъ мозговыхъ центровъ нервной системы. Если это функціонированіе происходитъ нормальнымъ, согласнымъ съ законами жизни и здоровья образомъ, то мы испытываемъ чувство удовольствія; въ противномъ случаѣ т. е. когда работа мозга противорѣчитъ общимъ условіямъ здоровой дѣятельности, мы испытываемъ непріятное и даже болѣзненное чувство. Возьмемъ сначала простѣйшіе факты такихъ умственныхъ удовольствій и страданій. Ближе всего

къ органическимъ и чувственнымъ видоизмѣненіямъ чувствительности стоятъ тѣ, которыя возникаютъ въ насъ при представленіи и ожиданіи чувственныхъ же удовольствій и страданій, т. е. пріятное чувство надежды и болѣзненное чувство страха и опасенія. Мы представляемъ себѣ какое-нибудь удовольствіе чувствъ и въ моментъ этого представленія испытываемъ уже удовольствіе; мы предвидимъ будущее страданіе и страдаемъ уже при одной мысли о немъ. Актуально испытываемое наслажденіе предполагаетъ нормальное возбужденіе тѣхъ или другихъ частей нервной системы, актуальное, дѣйствительное страданіе соответствуетъ разрушительному дезинтегрирующему дѣйствию на нервы. Но, тотъ же фізіологическій смыслъ имѣютъ и представленія или идеальныя воспроизведенія будущихъ физическихъ удовольствій и страданій. Представленіе предстоящаго наслажденія можетъ быть настолько живо, что совершенно поглощаетъ вниманіе, и господствуетъ въ сознаніи, съ исключеніемъ всякихъ другихъ психическихъ состояній. Съ фізіологической стороны ему соответствуетъ не только возбужденіе мозга, но и другихъ нервныхъ тканей, именно тѣхъ, которыя заинтересованы въ удовольствіи, когда оно дѣйствительно испытывается нами. Воображеніе какого-нибудь лакомаго блюда можетъ вызвать слабое вкусовое ощущеніе, даже отдѣленіе слюны во рту вѣроятно и въ желудкѣ. Выраженіе „слюнки текутъ“ имѣетъ часто буквальный смыслъ. Едва-ли нужно говорить о фізіологическихъ дѣйствіяхъ, какія могутъ имѣть представленія полового характера. Совершенно также идея предстоящаго страданія, овладѣвая сознаніемъ, въ иѣкоторой мѣрѣ впередъ заставляетъ насъ испытывать это страданіе, т. е. приводитъ соответствующія части нервной системы въ такое положеніе.

Біологическое значеніе этихъ фактовъ, т. е. роль воспроизводимыхъ чувствъ удовольствія и страданія въ жизненной экономіи состоитъ въ томъ, что они возбуждаютъ и поддерживаютъ дѣятельность полезную и остававливаютъ дѣятельность

вредную для организма. Мозгъ есть органъ не только идеальныхъ воспроизведеній и координацій между ними, онъ есть также органъ, координирующий представленія съ движеніями. Представляемое удовольствіе есть желаніе этого удовольствія и служитъ импульсомъ соотвѣтственныхъ движеній. Представленіе страданій задерживаетъ движенія, или вызываетъ другія, цѣль которыхъ есть удаленіе отъ предмета, могущаго вызвать это страданіе. Таковъ простѣйшій механизмъ умственныхъ или идеальныхъ чувствъ удовольствія или неудовольствія, который дѣйствуетъ въ самыхъ простыхъ животныхъ организмахъ способныхъ удерживать впечатлѣнія, воспроизводить ихъ и соотвѣтственно направлять свои движенія.

Человѣкъ есть наиболѣе развитый, наиболѣе сложный изъ организмовъ и обладаетъ такой способностью въ наиболѣе развитой формѣ. Человѣческій умъ есть координація громадной массы ощущеній и ихъ идеальныхъ воспроизведеній. Съ расширеніемъ ума, съ накопленіемъ умственнаго богатства расширяется и нашъ эмоціональный горизонтъ и мы можемъ предвидѣть удовольствія и страданія въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ. Эмоціональная жизнь дѣтей и дикихъ заинтересована удовольствіями и страданіями минуты, но благодаря увеличенію опытности и развитію ума какъ въ индивидуумахъ, такъ и въ цѣлыхъ расахъ, увеличивается предвидѣніе, предусмотрительность, забота о будущемъ. На этой ступени развитія человѣкъ заботится уже о томъ, чтобы упрочить на будущее время средства къ полученію удовольствій и уменьшенію страданій. Такимъ образомъ возникаютъ болѣе широкія понятія счастья и несчастья, въ контрастѣ съ отдѣльными удовольствіями и неудовольствіями. Счастливая жизнь состоитъ не просто лишь изъ минутныхъ удовольствій, но она есть жизнь свободная отъ грызущей заботы о будущемъ. Жизнь несчастная слагается главнымъ образомъ изъ представленій возможныхъ страданій и бѣдствій. Но и въ этихъ болѣе сложныхъ психическихъ состояніяхъ, или лучше сказать направленіяхъ, теченіяхъ эмоціональной жизни остается вѣр-

нымъ общій законъ удовольствій и страданій. Жизнь человѣка счастливаго слагается, преимущественно, изъ удовольствій испытываемыхъ актуально и предвѣщаемыхъ въ представленіи и ожиданіи. Съ физиологической стороны такое состояніе его чувствъ выражаетъ здоровое, согласное съ требованіями жизни направленіе мозговыхъ и нервныхъ функцій. Тогда какъ вѣчныя заботы, опасенія и страхи бѣдняка, какъ вѣчное переживаніе разныхъ возможныхъ страданій и бѣдствій—сверхъ актуально испытываемыхъ имъ — предполагаетъ болѣзненную аномальную затрату энергіи высшихъ нервныхъ центровъ.

Спрашивается теперь, какое же отношеніе все это имѣетъ къ эстетикѣ? А вотъ какое: всѣ эти удовольствія и страданія, переживаемыя нами умственно, или идеально, находятся въ тѣсной связи съ нашими жизненными функціями и, поэтому, говоря вообще, не могутъ имѣть эстетическаго характера. Намъ поэтому, должно искать другихъ фактовъ эмоціональной жизни, т. е. удовольствій и страданій тоже идеальныхъ, умственно переживаемыхъ въ силу представленій или воспроизведеній тѣхъ или другихъ идей, но такихъ удовольствій и страданій, которыя бы не имѣли этого чисто утилитарнаго, эгоистическаго характера, которые, оставаясь удовольствіями и страданіями, были бы свободны отъ служебнаго отношенія къ потребностямъ организма. Если удастся намъ отыскать такія чувства, то они будутъ имѣть установленные нами признаки эстетическихъ чувствъ и могутъ быть элементами изящныхъ искусствъ. Но такой характеръ дѣйствительно имѣютъ удовольствія и неудовольствія фантазіи, сопровождающія представленія, не имѣющія прямаго отношенія къ житейскимъ интересамъ и заботамъ.

Прежде всего замѣтимъ, что нельзя провести слишкомъ строгой, рѣзкой границы между обыкновенной предусмотрительностью и мечтами о будущемъ. Если мы думаемъ предпринять какой-нибудь важный шагъ въ жизни, то не только представляемъ себѣ непосредственные результаты этого шага, но также и всѣ возможные источники и ресурсы счастья.

и удовольствій, которыхъ онъ могъ бы быть причиною. При этомъ совершается именно подборъ тѣхъ представленій, которыя пріятны и исключеніе и удаленіе идей, включающихъ чувства непріятныя. Кто, напримѣръ, думаетъ жениться, тотъ мечтаетъ о наслажденіяхъ, но иногда совсѣмъ не думаетъ о разныхъ заботахъ и огорченіяхъ, источникомъ которыхъ можетъ быть семейная жизнь. Мечты, по крайней мѣрѣ въ здоровыхъ натурахъ, большею частію носятъ пріятный характеръ, потому что пріятныя чувства суть здоровое, нормальное обнаруженіе нервной жизни. Но всѣ эти проявленія фантазіи, эти мечты о будущемъ не имѣютъ еще эстетическаго характера въ силу своей эгоистичности, по причинѣ слишкомъ тѣсной связи съ нашимъ личнымъ счастьемъ, будущимъ или, по крайней мѣрѣ, возможнымъ. Но наше воображеніе даже въ мечтахъ о нашей собственной личности можетъ уноситься еще дальше, переступать область возможнаго и разрывать всякую связь съ трезвой дѣйствительностью. Мы можемъ воображать себя обладателями милліоновъ, властелинами судьбы народовъ, или героями самыхъ интересныхъ романическихъ приключеній. Мы не только идеализируемъ наше будущее, но представляемъ себѣ и наше прошедшее совсѣмъ иначе, чѣмъ какъ оно происходило на самомъ дѣлѣ. Эта дѣятельность фантазіи весьма близка съ одной стороны къ сумасшествію, а съ другой къ чисто художественному творчеству. Стоитъ лишь намъ увѣривать въ наши мечты, въ самомъ дѣлѣ вообразить себя китайскимъ императоромъ, или обладателемъ несмѣтныхъ сокровищъ, и постоянно оставаться въ этой иллюзіи... и мы готовы уже въ сумасшедшій домъ. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ лишь изъ нашихъ мечтаній удалить мысль о себѣ самихъ и придумывать разныя чудныя событія, занимательныя положенія и приключенія не о себѣ, а о какомъ-нибудь воображаемомъ лицѣ, это фантастическое построеніе получаетъ характеръ сказки или романа, смотря по присутствію или отсутствію въ немъ чудеснаго, волшебнаго элемента.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ родамъ поэтическаго творчества, считаемъ нелишнимъ нѣсколько остановиться на дѣятельности воображенія, обнаруживаемой въ идеальномъ воспроизведеніи и построеніи дѣйствительности вообще, будетъ-ли это построеніе относиться къ нашей личности, или къ лицу совершенно воображаемому. Прежде всего очевидно, что эта работа воображенія намъ пріятна, такъ какъ отдѣльные элементы, изъ которыхъ она складывается, отличаются болѣе или менѣе пріятнымъ характеромъ. Если мы здоровы физически и душевно, то наши мечты имѣютъ веселое направленіе, мы представляемъ себѣ такіе факты, положенія и событія, переживать которыя дѣйствительно было бы пріятно. Въ силу основнаго закона жизни, закона самосохраненія, мы подбираемъ и группируемъ элементы удовольствія, инстинктивно избѣгая всякихъ воображаемыхъ огорченій и страданій. Эти послѣднія изобрѣтаются лишь для контраста, т. е. съ тѣмъ, чтобы такъ или иначе освободиться отъ нихъ и съ тѣмъ большимъ наслажденіемъ вкушать воображаемое счастье. Вотъ эта группировка пріятныхъ чувствъ съ исключеніемъ чувствъ непріятныхъ составляетъ уже признакъ, сближающій мечты фантазій, хотя бы они группировались около нашей личности, съ мечтами поэтическаго творчества.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе, что чувства удовольствія, чувства пріятныя, воспроизводимыя въ воображеніи, отличаются болѣе умѣренностью, болѣе ровнымъ и менѣе острымъ характеромъ, чѣмъ удовольствія испытываемыя актуально. Въ этихъ послѣднихъ существуетъ не рѣдко значительная примѣсь горечи, въ силу слишкомъ страстнаго желанія, и послѣдствіемъ ихъ удовлетворенія иногда бываетъ не особенно пріятное чувство утомленія и пресыщенія. Удовольствіе воображаемое представляетъ болѣе легкое упражненіе нервной энергіи, и въ силу этого обстоятельства пріобрѣтая характеръ эстетическій, становится болѣе удобнымъ элементомъ изящества, чѣмъ наслажденіе актуальное. Отчасти по этой причинѣ почти всякое воспроизведеніе въ

идеѣ фактовъ даже не особенно интересныхъ въ дѣйствительности дѣлается болѣе или менѣе приятнымъ. Идеальное переживаніе дѣйствительности въ другой разъ, переживаніе, свободное отъ многихъ непріятныхъ сопровождаій, становится уже само по себѣ источникомъ удовольствія, такъ какъ даетъ упражненіе тѣмъ центрамъ мозга, которые въ силу не особеннаго частаго запроса на ихъ дѣятельность, достигаютъ максимума энергіи. Отсюда намъ нравятся всякіе рассказы о быломъ; вспомнимъ, съ какой жадностью дѣти слушаютъ взрослыхъ, когда они передаютъ разныя мелочныя событія своего собственнаго дѣтства. Здѣсь заключается источникъ интереса, который кромѣ научнаго значенія имѣютъ историческіе рассказы, мемуары, дневники и проч. Эта приятная дѣятельность воображенія, переживающаго впечатлѣнія и факты,—въ области мозговыхъ, заинтересованныхъ въ этомъ случаѣ центровъ, играетъ ту же роль, имѣетъ то же значеніе, какъ игра въ области мышечной. Въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ освобожденіе накопившейся энергіи, сказывающееся въ сознаніи приятнымъ образомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что роль воображенія сказывается уже въ самихъ играхъ, такъ какъ многія изъ нихъ состоятъ именно въ воспроизведеніи какихъ-нибудь воображаемыхъ лицъ, сценъ, положеній и т. п. Здѣсь уже мы видимъ первое обнаруженіе творческой фантазіи, первые зародыши поэзіи и драматическаго искусства.

Теперь мы видимъ, какъ близко подходитъ всякое идеальное воспроизведеніе къ воспроизведенію эстетическому. Стоитъ лишь отнять у фантазіи ея утилитарный эгоистическій характеръ, удалить ея созданія отъ нашей личности, нашихъ личныхъ интересовъ и заботъ, тогда ея произведенія пріобрѣтаютъ эстетическій характеръ. Удовольствіе, доставляемое этими идеальными фантастическими построеніями, становится безкорыстнымъ и универсальнымъ, т. е. доступнымъ для всѣхъ; мечты и фантазіи при этомъ условіи теряютъ болѣе и болѣе исключительно личный характеръ: вмѣсто отношенія лишь къ лицу самаго фантазирующаго, онѣ обра-

щаются уже къ болѣ широкому кругу слушателей и читателей и постепенно пріобрѣтають этнической характеръ, т. е. становятся достояніемъ цѣлаго племени и народа. Такимъ путемъ они болѣ и болѣ универсализируются, включают въ себѣ элементы общіе цѣлому племени, становятся носителями его мифовъ, его преданій, его міровоззрѣнія и даже его житейской мудрости. Для того, чтобы нравиться слушателямъ, чтобы возбуждать ихъ волненія и заслужить ихъ одобреніе, рассказчикъ или пѣвецъ долженъ передавать не мечты, относящіяся лично до него, а то что имѣетъ общій интересъ, напр. воспѣвать боговъ и героевъ, или событія изъ минувшей судьбы племени. Таково начало *эпической поэзіи*.

Эта первоначальная простѣйшая форма, въ которую облается дѣятельность творческой фантазіи соотвѣтствуетъ еще какъ бы дѣтскому возрасту человѣчества. Она для насъ представляетъ особый интересъ, потому что въ ней всего нагляднѣе сказываются тѣ черты, которыми поэзія отличается, дифференцируется отъ практической утилитарной дѣятельности воображенія и простой личной мечтательности. Прежде всего объектомъ этой, только лишь пробудившейся, молодой творческой дѣятельности служитъ преимущественно внѣшняя сторона вещей, внѣшніе интересные факты сплетенія событий. Чувственный элементъ, часто преувеличенный, идеально разукрашенный, имѣетъ выдающееся господствующее значеніе. Предметомъ пріятнаго изумленія служитъ преимущественно физическая сила, или тѣ элементы нравственной силы, которые тѣсно связаны съ физическими преимуществами и доступны моральному пониманію человѣчества въ его дѣтскомъ или юношескомъ возрастѣ. Преобладающій тонъ всѣхъ этихъ рассказовъ, — поэмъ, сказокъ, балладъ и проч. — пріятный. Дѣйствующія лица — преимущественно короли, царевны, богатыри. Они молоды, прекрасны, богаты, смѣлы и счастливы. Пиръ, любовь, сраженія и побѣды наполняютъ ихъ жизнь. Въ этой волшебной странѣ нѣтъ мѣста бѣдности, болѣзни и грызущимъ заботамъ. Уроды являются лишь для того, чтобы

еще болѣе придать блеску красотѣ героевъ. Бѣдность и богатство существуютъ лишь для того, чтобы перейти въ богатство и счастье; злые великаны служатъ для того, чтобы доставить торжество побѣды богатырю или царевичу. Благодарныя волшебницы и талисманы устраняютъ всякія препятствія съ ихъ пути, выручаютъ ихъ изъ всякаго затруднительнаго положенія. Въ концѣ концовъ герой и героиня непременно женятся и сказка заканчивается пиромъ на весь міръ... „И я тамъ былъ“ и т. д. прорывается основная мечта рассказчика, невольные участіе его личной мечтательности въ рассказѣ, предназначенномъ для наслажденія всѣхъ и cadaго. Особенно, чувственный элементъ въ его идеализированной формѣ обнаруживается въ восточныхъ сказкахъ, арабскихъ и персидскихъ, что соотвѣтствуетъ чувственному направленію фантазіи восточнаго человѣка. Прохладающіе напитки, сладостные плоды, сады благовонныхъ розъ, жилище райскихъ птицъ, оглашаемые пѣснями соловьевъ, дворцы, наполненные золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, гаремы волшебныхъ красавицъ—вотъ обычные мотивы и элементы „Тысячи и одной ночи“. Рыцарская поэзія среднихъ вѣковъ содержитъ преимущественно элементъ молодой силы, мужества и храбрости, обращенныхъ на борьбу съ невѣрными, на защиту слабыхъ, на служеніе красотѣ и т. п.

Въ болѣе развитыхъ литературахъ эти чувственные элементы отступаютъ уже нѣсколько на задній планъ. Поэзія, равно какъ живопись и скульптура, начинаютъ включать въ себя уже болѣе высокіе психологическіе элементы, высшія идеи и сложныя душевныя волненія. Поэзія, какъ и другія искусства, получаетъ уже цивилизующее облагораживающее значеніе. Изящныя искусства сближаются съ нравственностью, получаютъ воспитательный характеръ для общества. При дальнѣйшемъ своемъ развитіи и ростѣ они уже перестаютъ обращаться къ узкимъ симпатіямъ того или другаго класса, племени или народа, а болѣе или менѣе стремятся удовлетворять общечеловѣческимъ интересамъ. Оставляя до другаго вре-

мени изслѣдованіе этихъ высшихъ элементовъ искусствъ, замѣтимъ только, что общій принципъ эстетики справедливъ и для нихъ, для этихъ элементовъ. Эстетическое значеніе всѣхъ высшихъ сюжетовъ живописи, скульптуры и литературы состоитъ въ идеальномъ воспроизведеніи внѣшнихъ фактовъ и событій и внутреннихъ психическихъ процессовъ въ изящной, чувственной формѣ, при чемъ идеальное переживаніе сложныхъ фактовъ и чувствъ въ этой формѣ сопровождается преобладающимъ характеромъ удовольствія, такъ какъ представляетъ нормальное упражненіе уже высоко дифференцированныхъ частей мозга и нервной системы. Элементы общественныя, религиозныя, моральныя и даже научныя составляютъ тогда по условіямъ цивилизаціи, весьма важную существенную часть чистаго искусства, задачи котораго состоятъ въ идеальномъ воспроизведеніи разнообразныхъ фактовъ природы и жизни въ изящной формѣ въ цѣляхъ служенія высшимъ интересамъ человѣчества.

